

восходить от видимых вещей к познанию невидимого» (74). Это является обоснованием символического реализма святых отцов, которое особенно ярко выявится у св. Максима Исповедника.

Существует, следовательно, известное сродство, даже некая «конгенность» между человеком и всей тварной природой. Вселенная создана Логосом Божиим, Его отблески разбросаны во всей вселенной и ее пронизывают; наиболее близкий к Божественному Логосу отблеск Его есть логос человеческий, который и руководит им в опознавании этих тварных логосов, а через них — к восхождению к Прототипу этих «логосов», к Логосу Ипостасному, к Богу. Стоическое учение о семянных логосах просветилось в устах кесарийского святителя в таком миропонимании.

Если, стало быть, «Неизреченный Логос внушает мудрому Создателю различные изменчивые формы твари» (75), а нам дано «через разумение мельчайших частей вселенной научиться мудрости Художника» (76), то вселенная для св. Василия является «неким училищем, в котором разумные души учаются боговедению» (77).

(74) Вес. III, 10.

(75) Вес. VI, 10.

(76) Вес. VI, 11.

(77) Вес. I, 6.

Глава IV. СВ. ГРИГОРИЙ НАЗИАНЗИН, БОГОСЛОВ

§ 1. Место в истории Церкви и жизнь его

Св. Григорий Назианзин вошел в историю христианской богословской мысли с именем «Богослова». Только три христианских писателя, — св. евангелист Иоанн, св. Григорий и преп. Симеон, Новый Богослов, отличены этим наименованием, что указывает на их преимущественное перед всеми другими проникновение в богословское ведение.

Велико его значение, как писателя и мыслителя. Подобно другим отцам-каппадокийцам, он много трудов положил на уточнение тринитарной терминологии, и в этом отношении его заслуга забываема. Церковь его чтит, как богослова Св. Троицы, но неверно было бы думать, что только один этот вопрос интересовал его. Мы много обязаны ему и в учении о человеке (1). Если св. Василий Великий затронул тему о человеке больше с точки зрения аскетико-воспитательной (2), то св. Григорий Назианзин касается ее с разных сторон и гораздо глубже. Он не создал своей антропологии, как и не создал целостной тринитарной «системы», но в его отдельных словах и стихотворениях разбросано много мыслей о человеке и его назначении. В этом его заслуга также забываема. Он говорит о человеке с большим уважением и любовью; он верит в высокое назначение человека; конечно, прославление всего мира и твари, равно как и обожение человека, развиваются им многократно и разнообразно.

Он не оставил ни одного крупного произведения, не дал системы. Наследие его литературное не поражает многообразием заглавий. Четыре тома в издании Migne'a (P. G. 35-38) охватывают три группы произведений, а именно: а) 45 бесед,

(1) См. Архим. Киприан, «Антропология Св. Григория Паламы», стр. 148-152.

(2) Ibid. стр. 144-7.

сказанных преимущественно в поздние годы ; b) 246 писем, большею частью характера частного, среди коих, однако, находятся и три догматических послания ; с) много (ок. 500) стихотворений на разные темы : тут и богословские поэмы, и чисто личные, подлинно лирического настроения стихи, небольшие отрывки-эпиграммы на разные темы и по разным поводам.

Св. Григория неоднократно впоследствии толковали : св. Максим Исповедник, Илия Критский, св. Иоанн Дамаскин, Василий Новый, Никита Ираклийский, Никифор Каллист Ксанфопул, Зонара и Николай Доксопатр. Влияние его на последующую богословскую мысль бесспорно. Ему, между прочим, подражал, им вдохновлялся и его особенно любил московский митр. Филарет.

Руфин перевел кое-что из его произведений на латинский язык. Его переводили также на языки восточные : сирский, армянский, арабский. Существовали древние переводы на славянские наречия, восходящие к Средневековью.

Личность Назианского богослова ясно выступает в его произведениях. В них много автобиографического материала. Даже в писания отвлеченного характера он умеет вкладывать сильное чувство. Его стихи и беседы часто волнуют смелыми полетами мысли и личными переживаниями, исполненными неподдельной лирикой. По его творениям не трудно составить себе картину окружающей его среды и восстановить историческую обстановку. Читая его, видишь его живого. Кроме знаменитого стихотворения « О собственной жизни », мы находим много материала в его надгробных словах, письмах и стихах, относящегося к его прошлому и к состоянию Церкви того времени.

Менее практичный в жизни, чем св. Василий, св. Григорий более точен и глубок в догматических выражениях. « Как оратор, он превосходит своего друга, но как « князь церкви », он ему уступает », — говорит Rauschen-Altaner^(2a), повторяя почти дословно Bardenhewer'a^(2b). Он выше многих прославленных церковных поэтов, хотя многие его поэмы с чисто богословским содержанием и не удостоились быть внесенными

(2a) Rauschen-Altaner, « Patrologie », стр. 230.

(2b) Bardenhewer, « Patrologie », стр. 253.

в богослужебные книги. И самое искусство стихосложения, а главное непосредственное лирическое чувство увлекают читателя. Мало кто из святых отцов так не боялся проявить свою человечность, как это делал св. Богослов Назианский.

Св. Григорий родился около 330 года в местечке Арианзе, вблизи Назианза, в области Каппадокийской. Он был, стало быть, ровесником св. Василия, с которым так тесно связан его жизненный путь, и принадлежал к следующему за св. Афанасием поколению. По своему происхождению он принадлежал к той же среде, которая дала и воспитала св. Василия и его братьев, св. Златоуста и других видных церковных деятелей того времени. Ее отличали : бытовая патриархальность, искренняя вера, исповедуемая не только словами, но и на деле, тонкая просвещенность и стремление к высшим духовным интересам, жизнь не отделенная от религии, но ею насквозь пронизанная.

Родители его, Григорий и Нонна, являли пример истинного христианского супружества (Слово 8,5). Сам св. Григорий так описывает своих родителей. « Отец мой был прекрасный и весьма добрый старец, простой нравом, образец для жизни, истинный патриарх, второй Авраам. Прежде жил он в заблуждении, а потом стал другом Христовым, потом стал пастырем и даже какой-то мощью пастырей »⁽³⁾. Каково было упомянутое заблуждение отца, он поясняет в Слове, 18, 5 : « Он был отраслью корня не весьма похвального, не принесшего плодов благочестия, не в дому Божиим насажденного, но весьма странного и чудовищного, который составил из двух противоположностей, — из языческого заблуждения и подзаконного мудрования, допустив в себе некоторые части того и другого, а некоторые устранив ». Последователи этого учения назывались « ипсистериями », поклонялись огню, читали субботу, не принимали обрезания, но мелочно соблюдали постановления поста иудеев.

Эта « дикая маслина, впоследствии искусно привитая к маслине доброй » (Сл. 7, 3), стала прочным устоем местной христианской церкви. Около 325 года он принимает крещение

(3) « О собственной жизни », стихи 51-56.

от проезжавшего на I всел. собор епископа Леонтия (Сл. 18,12). Будучи на государственной службе, где он занимал немалую должность, Григорий-отец отличался особой честностью и добродетельной жизнью. Вскоре по крещении он принимает священство, а затем и епископство в области заброшенной и подобной « пажити, заросшей лесом и одичавшей » (Ibid. 16). В своем епископстве он действовал строго и непреклонно, осторожно избирал людей для алтаря и « со страхом очищал священную трапезу от неосвященных » (Ibid. 22). Отличительными его чертами, по словам его сына, было незлобие, соединенное с простотой. Не было промежутка времени между выговором и прощением, так что скоростью помилования почти закрывалось огорчение, причиненное выговором (Ibid. 24). Часто болея, он лечился больше молитвой и частым причащением, нежели советами врачей, и прожил почти сто лет, проведя в священном сане свыше сорока пяти. Умер на молитве и со словом молитвы на устах (Ibid. 28).

Нонна, мать св. Григория, происходила от благочестивых родителей и « только по телу была женщиной, а нравом превышала мужчин » (« О собственной жизни »). Она проводила строгую и добродетельную жизнь, служа примером для окружающих. Ни внешние украшения, ни общение с язычниками, ни вкушение нечистой трапезы, ни язык, ни слух не осквернялись ничем нечистым или языческим » (Сл. 18, 10).

Эти супруги воспитали замечательных детей : самого Григория, его брата Кесария и сестру Горгонию, защитников христианской веры, отличавшихся и глубоким благочестием, и тонкой образованностью. Император Юлиан Отступник после одного словопрения с Кесарием, удивленный его верою и образованностью, воскликнул : « благополучный отец, злополучные дети ». Этим поруганием, как говорит сам св. Григорий, он почтил и афинскую образованность, и христианское благочестие (Сл. 7, 13).

Брат Кесарий получил изысканное образование и потом занял видное место в Константинополе. Умер он еще при жизни родителей и св. Григорий почтил его похвальным словом. Таким же трогательным словом прославил он и свою сестру Горгонию, примерную мать и супругу, сочетавшую

добродетели семьянинки с отличительными чертами монахини по духу.

В надгробном слове отцу св. Григорий такими словами обращается к оставшейся одинокой матери : « Тебя печалит разлука ; да возрадуется надежда. Для тебя страшно вдовство, но оно не страшно для него. И где же будет доброта любви, если будем избирать для себя легкое, а ближнему отделять труднейшее ? Во всяком случае, что тяжкого для той, которая сама скоро разрешится ? Срок близок, скорбь непродолжительна » (Сл. 18, 43).

От этих родителей родился св. Григорий по молитвам матери и был еще в ее утробе обещан Богу на служение. Имя его было матери таинственно указано в сновидении ⁽⁴⁾. На его воспитание и учение было обращено с детства самое тщательное внимание, тем более, что и ребенок сам рано начал высказывать стремление к наукам. « Еще не опушились мои ланиты, как мною овладела какая-то пламенная любовь к наукам. И не совсем чистые учения (т. е., по-видимому, языческие светские писания) старался я придать в помощь учениям истинным, чтобы не превозносились ничему не обучившиеся . . . » ^(4a). Эту любовь к наукам св. Григорий сохранил на всю жизнь. « Не должно унижать ученость, как рассуждают о сем некоторые. Напротив, надо признать глупыми и невеждами тех, кто держась такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный и избежать обличения в невежестве » (Сл. 43, 11, надгробное св. Василию).

Домашнее образование было продолжено в Кесарии Каппадокийской и Кесарии Палестинской, а потом и в Александрии. В этих двух последних городах еще не была забыта слава Оригена. Осенью 350 года, св. Григорий плывет в непогожее время в Афины ^(4b). « Потом Афины и науки . . . И там Бог соединил меня узами дружбы с человеком самым мудрым, который один, и жизнью и словом, был выше всех. Кто же это ? — Василий, великое приобретение для

(4) « О самом себе », I, стихи 424-430.

(4a) « О собственной жизни », стихи 112-115.

(4b) Ibid. стих 130.

настоящего века. С ним вместе мы учились, и жили, и размышляли... У нас все было общее, и одна душа в обоих связывала то, что разделяли тела» (4c). О годах в Афинах много и часто вспоминал св. Григорий: «Афины — обитель наук, Афины для меня подлинно золотые и доставившие мне много доброго, ибо они совершеннее ознакомили меня с этим мужем, который не безызвестен был мне и прежде. Ища познаний, обрел я счастье, испытал для себя то же, — в другом только отношении, — что и Саул, который, ища отцовых ослов, нашел царство» (Сл. 43, 14). Тут игра словами: «царство», по-гречески *βασιλειον*.

Григорий прибыл в Афины раньше Василия, поджидал его, как земляка, и затем началась их совместная жизнь, о которой он пишет живо, красочно и с благодарностью. В надгробном слове своему другу он описывает и обстановку учения, и школярства студентов, их традиции, их любовь к наиболее известным учителям (Сл. 43, 15-16). В свободное от занятий время друзья гуляют по Афинам, ходят по тем же местам, где некогда и св. Павел. С одними чувствами созерцали они развалины древних памятников и храмов умершего язычества; с несколько иными чувствами бродил там и взирал на те же памятники и другой их сотоварищ, царственный юноша Юлиан, будущий император-отступник.

«Нам известны были две дороги, говорит св. Григорий. Одна — к нашим священным храмам и к тамошним учителям; вторая, и неравного достоинства с первой, вела к наставникам наук внешних. Дороги же на праздники и зрелища, в народные стечения и на пиршества предоставляли мы желающим. У других бывают иные прозвания, — или отцовские, или свои, — по роду их собственного звания и занятий. Но у нас одно великое дело и имя: быть и именоваться христианами» (Сл. 43, 21).

Учение в центре Эллады было закончено, когда друзьям было около тридцати лет. Первым уехал Василий, а за ним

(4) «О собственной жизни», стихи 221-230.

и сам Григорий, несмотря на все желания афинян удержать его там.

Вероятно в 359 г., св. Григорий совершает обратное путешествие из Афин, избрав на этот раз путь через Константинополь, где к нему присоединяется младший брат его Кесарий. На родине он не сразу находит свое призвание. Точнее говоря, он никогда не мог своего призвания осуществить: вся его жизнь направлялась противу его природным склонностям. Желавший уединения, он ввергался в водоворот борьбы; с настроением к ученым занятиям, он должен был их оставлять для пастырского попечения насильно ему навязанной паствы; будучи поэтом в душе, далеким от практической мудрости, он должен был отдавать свои силы административным делам, вовсе его не привлекавшим.

Сразу по возвращении домой ему удается, правда, на некоторое небольшое время, уединиться вместе с Василием в какой-то пустынной местности, где они, по его же собственным словам, «роскошествовали в злостраданиях». Тут-то они занимались на досуге Оригеном, составляя из его произведений выписки, известные под именем «Филокалии» (ничего не имеющей общего с прославленной потом под этим именем аскетической христоматией). Св. Василий, как известно, оставил это уединение легче, чтобы пойти по пути широкой церковной деятельности. Во всяком случае, мы не знаем, страдал ли он так, как это приходилось внутренне св. Григорию. Не мало можно найти в произведениях этого последнего записей, свидетельствующих о терзаниях, о недоумении, о нерешительности в том, каким же собственно путем в жизни ему идти.

Он говорит, например, о раздвоенности между собственными стремлениями и требованиями Духа. «Одно предлагает мне бегство, горы, пустыни, безмолвие душевное и телесное, советует удалиться умом в самого себя и отвратиться от чувств, чтобы неоскверненным беседовать с Богом... А Дух требует, чтобы я выступил на среду, принес плод обществу, искал для себя пользы в пользе других, распространял просвещение» (Сл. 12, 4). «Меня не связало супружество, — пишет он в стихах «О самом себе» (4d), этот поток жизни, эти узы,

(4d) I, стихи 64-98.

тягчайшие из всех, какие малагает на людей вещество». Его не пленяют, признается он, пышные одежды, богатые трапезы, удобные жилища, золото и серебро, удовольствия и музыкальные развлечения. «Для меня приятен кусок хлеба; у меня сладкая приправа — соль; а стол приготовлен без трудов, и питье трезвенное — вода... Одна слава для меня приятна, это отличаться познаниями, какие собрал Восток и Запад, и краса Эллады — Афины». В таком колебании между молитвой в пустыне и учеными занятиями, между Илией Фесвитянином на Кармиле и близкими по крови людьми, св. Григорий вступает на «некий средний путь между отрешившимися и живущими в обществе, заняв у одних собранность ума, а у других старанье быть полезным для общества» (5).

Голос кровного родства и сыновние обязанности превозмогли, по-видимому, и любящий сын не порывает с семьей и родными, естественными привязанностями. Два внешних обстоятельства в эти первые годы жизни на родине нарушили спокойное течение вещей. Первое касалось тогдашних богословских споров. Арианские формулы, принятые на соборе в Аримине в 359 г. и в Константинополе в 360 г., быстро распространялись по всему Востоку и отторгали верных от единства с св. Афанасием и с «никейской верою». Григорий Назианзин-отец без долгого размышления и борьбы счел для себя возможным подписаться под ними. Это возбудило монашескую среду в окрестностях Назианза, внесло не мало смущения, и, по-видимому, Григорию-сыну пришлось употребить известные усилия для умиротворения умов.

Приблизительно к тому же 361 году относится и другое событие в личной уже жизни самого св. Григория, лишившее его внутреннего спокойствия и доставившее ему немало скорбей. Это — его посвящение в священнический сан, посвящение насильное... Престарелому отцу необходим был, по-видимому, помощник в делах пастырского окормления. Хотя документальных данных нет, можно, однако, предполагать, что известные уговоры, советы, просьбы должны были иметь ме-

(5) * «О собственной жизни», стихи 292-308.

сто. Поскольку сын не давал добровольного согласия на принятие священства, то отец, воспользовавшийся своей двойной властью, — отеческой и епископской, — насильно рукоположил сына во пресвитера. Это должно было иметь место в день праздника Рождества Христова и Богоявления (совершавшихся тогда в одно и то же время) 361 года. Реакция посвященного была неожиданной для окружающих и, прежде всего, для самого посвятившего его отца, искавшего в сыне будущего со-пресвитера. Этот последний, оставив родной кров, удалился в Понт, в пустыню, где и провел до Пасхи 362 года. В этот день он произносит свое первое, знаменитое «Слово о бегстве», начинающееся ставшими теперь общеизвестными словами: «Воскресения день, благоприятное начало: просветимся торжеством, обьем друг друга; рцем и ненавидящим нас «братия»...». Бегство св. Григория нельзя считать проявлением гордости и непослушания своему епископу-отцу, а страх перед ответственностью за священство, «*timor sacerdotalis*». «Слово защитительное о бегстве» должно почитаться в пасторологической литературе одним из лучших произведений в защиту пастырства и его призвания, приготовления к нему. Его можно сравнивать только с «Словами о священстве» св. Иоанна Златоуста, хотя по силе и сжатости оно их превосходит. Св. Григорий подчиняется наконец желанию отца и повелению епископа. Он принимает и на деле то священническое служение, которое ему силою было навязано. Он становится помощником стареющему отцу и сопастырствует с ним в течение по крайней мере семи лет без особых внешних потрясений. Но после того, как его друг св. Василий, к тому времени уже епископ кесарийский, претерпел известное насильное вмешательство государственной власти в его епархиальные дела, мирное течение жизни св. Григория было во второй раз нарушено. В разделенной на две провинции Каппадокии произошло новое деление и церковных диоцезов. Для борьбы с Анфимом Тианским ему нужны были новые епископы-суффраганы, и Василий совершает второе насилие: он насильно рукополагает св. Григория во епископы малой общины Сасимы.

Испытание было тяжело само по себе: вместо родного

крова и сотрудничества с отцом, к чему он стал привыкать, ему пришлось отправляться в заброшенное « место безводное, не произрастающее ни былинки, лишенное всех удобств, селение скучное и тесное » среди чужестранцев и бродяг. « Вот какому городу, — подлинно это великодушие, — отдал меня тот, кому было мало пятидесяти хореепископов ». « Да погибнет в мире закон дружбы, которая так мало уважает друзей » (6). « Куда бежать ? Разве вы, дикие звери, примете меня к себе ? У них, думаю, более верности » (7). Его уговаривает и отец, и сам Василий: « Служителя молит тот, кто и по естеству (отца) и по двоякому закону твой владыка . . . Он простирает ко мне руки, касается моей бороды, прося, чтобы я не оставался на низшей ступени и, трудясь вместе с ним, облегчал его труды » (8).

Вначале св. Григорий отказывается и не едет в свою епархию, но потом вынужден взять на себя послушание. В течение двух лет он несет свой крест. В 374 году умирает отец, скоро за ним уходит и мать. После временного администрирования епархии назианзской, он вновь удаляется в пустыню, где проводит около трех лет.

После смерти в 379 г. св. Василия, св. Григорий поддается новому уговору, чтобы на этот раз занять пост, гораздо более почетный, чем епископство в Сасимах или в Назианзе. Он остается в глазах всего православного мира единственным, кто бы мог возглавить церковные дела. После смерти импер. Валента в 378 г., престол перешел к Феодосию, что было началом окончательной победы церкви над арианами. Св. Григорий соглашается с большим трудом занять престол Константинопольский. Надо было вернуть отобранные когда-то арианами храмы, надо было очистить город и саму церковь столичную от еретиков. Нелегкая задача предстояла константинопольскому первосвятителю. Он начинает с малого, с единственной оставшейся православной небольшой церкви. В церкви св. Анастасии началось воскресение правой веры. « Анастасия » — воскресение. В ней произносит св. Григорий свои знаменитые

(6) « О собственной жизни », стихи 406-7 ; 445-6.

(7) Ibid., стихи 484-5.

(8) Ibid., стихи 495-504.

« Богословские слова », числом пять, которые ему по справедливости стяжали славу « Богослова ». Но борьбу приходилось вести и против аполлинаристов, против некоего Максима-циника, против арианского епископа Демофила константинопольского. На соборе вселенском втором пришлось ликвидировать окончательно дело Максима, несмотря на то, что папа Дамас высказывался в его пользу, т.е. против Григория. Собор восстановил Григория Назианзина в его правах, младший брат покойного св. Василия, св. Григорий Нисский произнес свой панегирик в честь законного святителя столицы. Но ему пришлось вынести еще новое испытание : враги его, сторонники Павлина, обвиняли св. Григория в незаконном (противу канонам Антиохийского собора) переходе с кафедры сасимской на столичную. Измученный в борьбе за власть, которую он так всегда избегал, св. Григорий отказался от предстоятельства в Константинополе, удалился в Назианз, где, судя по словам блаж. Иеронима (9), написанным в 392 г., он за три года до этого, т.е. приблизительно в 389 году и скончался.

Замечательными стихами прощается он с временной жизнью : « Последний подвиг жизни близок ; худое плавание окончено ; уже вижу и казнь за ненавистный грех, вижу мрачный тартар, пламень огня, глубокую ночь и позор обличенных дел, которые теперь открыты. Но умилосердись, Блаженный, и даруй мне хотя бы вечер добрый, взирая милостиво на остаток моей жизни. Много страдал я, и мысль объемлется страхом, не начали ли уже преследовать меня страшные весы правосудия Твоего, о Царь . . . » (10). Существует прекрасный, в стихах, перевод этого стихотворения, исполненный митрополитом Филаретом.

§ 2. Литературное наследство

Как уже было сказано выше, св. Григорий Богослов не отличается разнообразием своих литературных трудов. Среди

(9) Вл. Иероним : « Carmen de vita », 112.

(10) « О себе самом », LXXIII.

писем его только три послания имеют характер общецерковный, тогда как вся масса в эпистолярном наследии его имеет только чисто личное значение; тем более его поэтические упражнения не предназначались для широкого распространения, и они проникнуты исключительно лирическим и личным настроением; ни одного церковного песнопения он не оставил, что, впрочем, и не было еще в духе эпохи. Остаются только его выдающиеся слова. Но среди них не мало надгробных похвальных слов; его «Защитительное слово о бегстве» может считаться особенно важным в отношении пастырском. Наконец, его пять богословских слов, которые и дали ему славу «Богослова», были данью общецерковным нуждам; они были произнесены с полемической целью против ариан. Принадлежат они к поздним годам его жизни, константинопольским. Из остальных слов выдаются его проповеди на различные праздники: Богоявления, Пасху и др. Он не оставил ни одного толкования на книги св. Писания. Он не писал больших полемических трактатов. Он не составил богословской системы. Возникает вопрос, чем объяснить все это?

Отсутствием любви к писанию или к науке это объяснить нельзя. Он сам часто исповедывал свою любовь к знанию, к учению, к углублению в тайны божественного домостроительства. Писать он любил, и главное, умел. Стиль его может считаться образцовым для высоко просвещенного эллина той эпохи; чистота оборотов и знание светской литературы, чтобы не говорить, конечно, о начитанности в Писании, избличают в нем достойного ученика афинских риториков и знатока христианского Откровения. Знания и проникновенности в глубины богословия у него больше, чем у св. Афанасия, и вероятно, и у друга его, св. Василия; а таланта у него, вероятно, больше, чем у них. Ленивым его назвать нельзя, хотя инертность и присущая ему непоказность были, вероятно, в нем от природы сильны. Сама же эпоха, наконец, никак не способствовала к безмолвию. Как раз наоборот, выступать надо было, и борьба с врагами истины была в те годы особенно необходимою. Чем же объясняется, в таком случае, такая сдержанность в писании вообще, а в полемических выступлениях, в частности?

Ответа, кажется, следует искать у самого св. Григория.

Известно, со слов св. Григория Нисского, насколько богословские споры задевали все тогдашнее общество, и не одно образованное только. Нисский епископ свидетельствует, как споры о тончайших вопросах богословского учения проникли тогда в общественные места, базары, лавочки, бани. Богословами себя мнили если не все, то очень многие. И вот это-то общее увлечение догматическими спорами, переходящее в известную профанацію богословского гнозиса, и было, кажется, одной из причин, в силу коей св. Григорий стоял как бы в стороне от этих базарных словопрений. Интерес мирян к вопросам веры, несомненно, похвален, но когда этот интерес превращается в самоуверенность, в желание считать себя уполномоченным богословствовать без достаточных для этого данных, он становится уже церковным бедствием.

Св. Григорию принадлежит, в числе прочих слов, «Слово о соблюдении доброго порядка в собеседовании и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге». В нем он очень ярко рисует картину современных ему неустроений в этой области. Главную причину он видит в «природной горячности и высокомерии. Не простая пламенность, без которой невозможно успеть ни в благочестии, ни в другой добродетели, но твердость, соединенная с неблагоразумием, невежеством и дерзостью» (Сл. 32, 3). К этому присоединилась, говорит он в «Слове о поставлении епископов и о догмате Св. Троицы»: «усиливающаяся ныне болезнь языка, скороспелые мудрецы, производимые вновь богословы, для которых довольно только захотеть, чтобы стать мудрыми...» (Сл. 20, 1). В Церкви должен быть порядок, «чтобы одни были пасомые, а другие пастыри, одни начальствовали, а другие были подначальными» (Сл. 32, 10). Нужна, стало быть, прежде всего подготовка для богословствования, как она нужна и во всяком ином деле. «Говорить о Боге — великое дело, но гораздо больше — очищать себя для Бога... Учить дело великое, но учиться дело безопасное. Для чего представляешь из себя пастыря, когда ты овца? Для чего делаешься головой, когда ты нога?» (Сл. 32, 12-13). «Любомудрствовать о Боге можно не всякому. Да! Не всякому. Это приобретается не дешево, и не пресмыкающимися по

земле. Добавлю еще : можно любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать, когда, пред кем и сколько ». Богословствовать можно тоже не перед всяким, а только « перед теми, которые этим занимаются тщательно, а не наряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских ристаний, зрелищ и пеней, по удовлетворении чрева и того, что хуже чрева » (Сл. 27, 3). « Если ты еще младенец, если долу влачишься умом и не имеешь сил взойти к высшим познаниям, то будь коринфянином, питайся молоком. Для чего ты требуешь твердой пищи, которую члены твои, по немощи, не в состоянии еще употребить и сделать питательной ? » (Сл. 32, 13). « Как в древности у мудрых Евреев не позволялось молодым людям читать некоторые священные книги, потому что они не принесли бы пользы душам, еще не твердым и нежным, так и у нас надлежало бы постановить законом, чтобы не всякому и не всегда, а только в известное время и известным лицам дозволялось учить о вере, именно тем, которые не вовсе нерадивы и медлительны умом, и не слишком ненасытимы, честолюбивы и более надлежащего горячи в деле благочестия » (Сл. 32, 32).

На самом же деле картина тогда была совершенно далека от высказанных пожеланий. « Не только между разномысленными и несогласными в учении о вере . . . , но и между единомышленниками, у которых в одном и том же одни и те же противники » (Сл. 22, 4). Причина, по мнению св. Григория, в том, что « божественные предметы обращаются в забаву так же, как ристание на конях и зрелища » (Сл. 21, 5). Отсюда и разделения в Церкви, где открылось « много Павлов и Аполлосов и Киф. Разделились в домах и в тесных обществах, и как бы каждый сам с собою ; разделились мы, целая вселенная, весь род человеческий, все, к кому достигло слово Божие. И многоначалие стало безначалием » (Сл. 32, 4 и 5).

Вот, например, еще одно яркое описание такого участия народа-хранителя благочестия в богословских спорах, в которых большинство не имело ни малейшей подготовки, ни философской, ни богословской, но движимо было самооболением в своем праве судить о столь возвышенных вопросах : « Я сказал, а они кричали, каждый свое. Это было то

же, что стая галок, собравшаяся в одну кучу, буйная рабочая толпа молодых людей, вихрь, клубом поднимающий пыль, бушевание ветров . . . Они походили на ос, которые мечутся туда и сюда, и вдруг бросаются прямо в лицо. Но и степенное собрание старцев, вместо того, чтобы уцеломудрить юных, им же последовало . . . Эти епископы, ныне только научившиеся знать Бога ; вчера учителя, а ныне ученики ; сперва тайноводители, а потом тайноводствуемые . . . А мы ? . . . Поставили пред алтарем проповедническую кафедру и всем вопием : входи сюда, кто хочет, хотя бы два и три раза переменил веру . . . » (10a). « Надо отсечь, как общий недуг, лишние и бесполезные вопросы, пустившие ныне столько отпрысков и ветвей » (Сл. 22, 12). Надо любомудрствовать « догматически, а не состязательно, по способу Рыбарей, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетенно, по уставам Церкви, а не торжища, для пользы, а не из тщеславия » (Сл. 23, 12). Поэтому, « лучший богослов не тот, кто все нашел, не тот, чье представление обширнее, а кто образовал в себе более полное подобие или отенок, или, как бы ни назвать сие, истины » (Сл. 30, 17). Таким образом, богословие не столько в знании, сколько в жизни. Но несомненно и то, что для проникновения в тонкие вопросы богословия нужно глубокое знание, подготовка, начитанность в церковных писаниях, чем далеко не обладают скороспелые богословы-любители, « смелые на все », по словам св. Григория : « подобно грибам, вдруг вырастают из земли и мудрецы, и военачальники, и благородные, и епископы, хотя и не потрудились прежде на свою долю над чем-либо добрым . . . Кидайся вниз головой, и не учась, стреляй из лука, заносись на крыльях под самые облака. Довольно захотеть, а знать — дело вовсе не нужное » (10b).

Надо думать, что эта « забава богословствовать », которую недумовали многие и многие малоподготовленные, а к тому же совершенно непризванные диллетанты, и была одной из причин, а может быть, и главной причиной того, почему св. Григорий был так осторожен и сдержан в писании. Кажется бы, при таком одурманенном состоянии умов, когда вся-

(10a) « О собственной жизни », стихи 1680-1750.

(10b) « О себе самом », XLI.

кий профан считал себя авторитетом, когда святое искусство богословствования было вынесено на улицу и тем профанировано, необходимо было бы раздаться голосу вескому, спокойному, умудренному в проповедуемой истине. Казалось бы, что умам, подобным св. Григорию, и надо было бы сказать свое слово, и тем поддержать равновесие сил и оздоровить атмосферу. Но от этого не сделал и не делал вообще. Присущий ему индивидуализм, врожденное чутье духовного аристократизма и, вероятно, немалая брезгливость отталкивали его от отвратительной ему современности. «Современником» св. Григорий никогда быть бы не мог. Идти с толпой ему тоже было не в состоянии. С детства впитанное им благочестие и страх Божий не позволяли ему присутствовать при осквернении святыни богословия нечистыми руками светских диллетантов, самоучек и легковесных говорунов. Потому-то так часто мы читаем в его стихотворных самоисповедях желание бросить все, уйти в любимую пустыню, к природе, к зверям, куда угодно, но только подальше от светского шума, от сомнений невежд, от вмешательства мирского элемента в то, что составляет залог,веряемый одним только посвященным. Любительское богословствование неподготовленных мирян стирает грани между Церковью учащей и учащейся, ибо все дерзают считать себя учителями.

Хронология литературных трудов св. Григория представляет не мало затруднений. Большинство его стихотворений не поддаются вообще датировке; письма, за исключением только некоторых, распределяются на всем протяжении его жизни; что же касается его проповеднических трудов, то годы их произнесения могут быть с некоторою долей вероятности восстановлены более или менее приблизительно. Следуя А. Puech, можно придерживаться данной им хронологии⁽¹¹⁾.

1. « На Пасху », произнесенное после возвращения из бегства, по рукоположении 362
2. « Апология бегства » 362
3. « К призвавшим в начале, но не сретившим св. Григория, когда он стал пресвитером » 362

(11) А. Puech, III, 339-340, notes.

4-5. « Против Иулиана », первое и второе	365
6. « О мире »	364
7. « Надгробное слово брату Кесарию »	368
8. « Надгробное слово сестре Горгонии »	369-374
9. « Защитительное, по рукоположении во еписк. Сасимского »	372
10. « Защитительное, по возвращении из уединения »	372
11. « Слово, сказанное еп. Григорию Нисскому »	372
12. « Слово отцу при попечении ему назиянзской церкви »	372
13. « При посвящении Евлалия во еп. доарского »	373
14. « О любви к бедным »	373
15. « После градобития »	373
16. « На память мучеников Маккавеев »	373
17. « Встревоженным жителям Назиянза »	373
18. « Надгробное слово отцу »	374
19. « К Иулиану, сборщику податей »	374
20. « О поставлении епископов и о Св. Троице »	379
21. « Похвальное слово Афанасию Великому »	379
22. « О мире, после примирения »	379
23. « О том же »	379
24. « В похвалу священном. Киприана »	379
25. « В похвалу философа Ирона »	379
26. « По возвращении с села, на обвинение Максима »	380
27-31. « О богословии » (пять слов)	380
32. « О соблюдении доброго порядка в собеседовании »	380
33. « Против ариан и о самом себе »	380
34. « К пришедшим из Египта »	380
35. « В память мучеников и против ариан »	380
36. « О себе самом, будто он желает константинопольского престола »	380
37. « На слова : « егда сконча Иисус словеса сия » (Мф. 19, 1)	380
38. « На Богоявление, или на Рождество Спасителя »	379

39. « На святые светы »	380
40. « На Крещение »	380
41. « На Пятидесятницу »	381
42. « Прощальное »	381
43. « Похвальное св. Василию »	381
44. « На неделю новую и на весну »	383
45. « На Пасху »	383

§ 3. Учение о Св. Троице

В области истолкования важнейшего догмата христианства св. Григорий Богослов достойно продолжает линию, намеченную св. Афанасием и св. Василием. Он не создает, конечно, никакого своего особого богословия, а только уточняет терминологию. Он восполнил то, что еще не завершил в своих писаниях св. Василий, — если для этого последнего различие между « сущностью » и « Ипостасью » определяется, как различие общего и частного. Несколько более точно он говорит в своем письме 38-ом : « Отец есть некая сила, нерожденно и безначально существующая ; она есть причина причины всего сущего. Сыном все получило бытие. Отличительный же ипостасный признак Духа тот, что Он по Сыне и с Сыном познается и от Отца имеет бытие ». К этому определению, оставляющему желать лучшего, св. Григорий Богослов вносит свою поправку, на основании которой можно определить ипостасные особенности Лиц Св. Троицы, как « нерожденность », « рожденность » и « исхождение » (Сл. 25, 16 ; 26, 2).

Св. Григорий не отрицает толкования своего друга : об « общем » и « частном » говорит и он (Сл. 25, 16), но « частное » еще не обязательно означает самостоятельную личность, тогда как для св. Григория « Ипостась » есть « разумно, совершенно и самостоятельно существующее свойство » (Сл. 33, 16).

Какой бы то ни было упрек в « требожии », разумеется, совершенно неоснователен, т.к., признавая самостоятельно бытие Трех Лиц, св. Григорий никак не забывает единства божественной природы : « Единое в Трех Божество » и « Един Бог в Трех » (Сл. 39, 11). « Троица есть Единый Бог по тождеству

сущности » (Сл. 6, 13). Это выражение гораздо более правильное и точное, чем, нередкое у св. Василия, « общность » Божества.

Три Ипостаси означают не сущность Божию в себе самом, а образы или « способы Его бытия », т.е. то, как Она выражается во вне ⁽¹²⁾. С этого времени, начиная от свв. Каппадокийцев и, в частности, от св. Григория, богословы уполномочены говорить о « поклонении Единиче в Троице и Троице в Единиче » (Сл. 25, 17), о « Троице, возглавляемой в Монаде » (Сл. 6, 22). Природа Св. Троицы есть самозаключенная и неделимая Монада. Этим увенчивается терминологическое уточнение богословской мысли IV века.

Наряду с этим, как правильно отметил проф. А. Спасский ⁽¹³⁾, Каппадокийцы « раз навсегда положили конец субстанциальному субординационизму, господствовавшему в прежней теологии, и на место его поставили соипостасное соподчинение, нимало не умалявшее Божественного достоинства и единства Ипостасей ». « Отец, говорит св. Григорий Назианзин, есть имя Божие не по сущности и не по действию, а по отношению к Сыну » (Сл. 39, 16). « Отец больше Сына по причинности, и равен по природе » (Сл. 30, 7). « Три Ипостаси разделяются не по природе, но по свойствам своим » (Сл. 42, 16).

(12) Проф. А. Спасский, *op. cit.*, стр. 493.

(13) *Ibid.* стр. 507.